

Крестная смерть Спасителя поставила Голгофу и Гроб Господень в центр міроздания. Где тот храм Соломона, пирамиды фараонов, башни Вавилона, маяк Александрии, сады Семирамиды, мрамор Пальмиры, где всё богатство века сего? Всё прах и тлен по сравнению с подвигом Христа.

Всё в міре навсегда стало сверять своё время и время вечности по Христу. Все события в міре — это противостояние тех, кто за Христа, и тех, кто против. И другой битвы не будет до скончания времён.

Нам, малому стаду Христову, православным людям, дано величайшее счастье, выше которого нет, причащаться Тела и Крови Христовых на Божественной литургии. И где бы она ни свершалась: в великолепном соборе или в бедной деревенской церкви, значение её одинаково и огромно — мы принимаем в себя Христа, своё единственное спасение. И всё-таки никакая другая Литургия не может встать вровень с той, что происходит ночью на Гробе Господнем в Иерусалимском храме Воскресения. Это только представить — чаша с Телом и Кровию Христа ставится на трёхдневное ложе Спасителя, освящается и выносится для приобщения участникам ночного служения.

Аз, грешный и недостойный, несколько раз был на ночной службе у Гроба Господня. И особенно помню первую, когда поехал на неё вместе с монахинями из Горненской обители. Время было близко к полуночи. Ни обычного шума машин, ни людей, только огни по горизонту, только свежий ночной воздух и негромкое молитвенное пение монахинь.

От Яффских ворот быстро и молча шли мы по странно пустым узким улочкам Старого города, сворачивая в знакомые повороты, ступая по гладкости жёлтого, а сейчас тёмного мрамора. Вот широкие ступени пошли вниз, вот поворот на широкую площадь перед храмом. Справа Малая Гефсимания, слева вход в храм, прямо к Камню помазания. У

входа расколота небесной молнией и опалённая Благодатным огнём колонна, даровавшая именно православным Божию милость схождения огня в Страстную субботу теперь уже далёкого XIX века. Прикосновение к колонне, влажной от ночной росы, освежает и даёт силы на предстоящую службу. А силы нужны. До этого у меня был счастливейший, но и очень трудный день, когда я с утра до вечера ходил по Иерусалиму, говоря себе: «Иерусалим — город Христа, значит, это и мой город».

Вообще, я не сразу, не с первого взгляда полюбил Иерусалим. Я говорю не о Старом городе, при входе в него обувь сама соскакивает с ног, как иначе? Здесь Скорбный путь, «идеже стоясте ноге Его», здесь остановившееся время главного события Вселенной, что говорить? Нет, я не сразу вжился в современный Иерусалим. Как этот город ни сохраняет старину, но модерн, новые линии и силуэты зданий проникают всюду, как лазутчики материального мира. Мешал и непрерывный шум машин и их чрезмерное количество, торговцы, предлагающие всё растущие в своей изысканности и цене товары и пищу, которая тоже дорожала, но всё заманчивей привлекала ароматами и внешним видом, мешали безцеремонно кричащие в трубки мобильных, часто на русском языке, энергичные мужчины, мешали и короткие, ненавидящие взгляды хасидов, многое мешало. Но постепенно я сказал себе: что с того? Сюда Авраам привёл своего сына, собираясь принести его в жертву. Здесь плясал с Ковчегом Завета царь Давид, куда больше? Отсюда пришла в мир весть о Воскресшем Христе. Здесь убивали камнями первомученика Стефана, а дальше, налево, гробница Божией Матери, внизу поток Кедрова, вот и Гефсиманский сад, вот и удивительная по красоте церковь святой Марии Магдалины, подъём на Елеонскую гору и головокружительная высота Русской свечи над Елеоном, православная колокольня, выстроенная великим подвижником, архимандритом Антониной (Капустиным). Вот он - Вечный город, вот видны и Золотые ворота, в которые вошла младенцем Божия Мать и в которые в конце Своей земной жизни въехал Её Сын, Сын Божий. А вот и храм Гроба Господня.

Вернувшись с Елеона, ещё в этот же день я обошёл вокруг Старый город. Шёл вдоль высоченных стен из дикого камня, как ходят у нас на Крестный ход на Пасху, — с паперти налево и вокруг храма, шёл, именно так и воспринимая свой путь, как пасхальное шествие. И уже шум и зрелище современного мира совсем не воспринимались, были вначале фоном, а потом и совсем отошли. И башня Давидова помогла этому отрешению — она же почти единственная из сохранённых дохристианских зданий. И только в одном месте невольно остановился: мужчина в годах, в пиджаке с планками наград, наяривал на аккордеоне песню прошлого века: «У самовара я и моя Маша, а на дворе уже темным-темно». Ну как было не расстаться с шекеlem? Но благодатный вход в храм Гроба Господня отсек свежие воспоминания минувшего дня и придал силы. Особенно, когда мы прикладывались к Камню помазания и в памяти слуха звучали слова: «Благообразный Иосиф, с древа снем Пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив, и вонями во гробе новом покрыв, положи».

У Гроба, на наше счастье, почти никого не было, только греческие монахи готовились к службе. Я обошёл Кувуклию, часовню над Гробом Спасителя. Опять в памяти зазвучал молитвенный распев: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесах, и нас на земли спо-доби чистым сердцем Тебе славить». Справа от часовни на деревянных скамьях спали богомольцы. Они пришли сюда ещё с вечера. Сейчас просыпались, тоже готовились к службе. У входа в часовню (внутри уже не пускали) горели свечи. В одном подсвечнике, как цветы в вазе, стояли снежно-белые горящие свечи. Добавил и я свою, решив не отходить от часовни, чтобы, даст Бог, причаститься у Гроба Господня. Я знал, что у Гроба причащают нескольких, а остальных, перенеся Чашу со Святыми Дарами, причащают у алтаря храма Воскресения. Дьякон возгласил:

— Благослови, Владыко! Возгласил он, конечно, по-гречески, по-гречески и ответил ему ведущий службу епископ, но слова были наши, общие, литургические:

— Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа.

— Ами-и-инь! — согласно включился в молитву хор наших монахинь из Горней.

Мне было очень хорошо видно и придел Ангела, и сам Гроб. Удивительно, как священнослужители, облачённые в служебные одежды и на вид очень грузные, так легко

и ловко поворачивались, входили и выходили из Гроба на преддверие. Частое каждение приносило необыкновенный прохладный горьковатый запах ладана. Какой-то очень родной, в нём была чистота и простор смолистого высокого бора. Молитвенными, почти детскими голосами хор монахинь пел: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в них же несть спасения». Новые возгласы диакона, выход Владыки и его благословение. Видимо, по случаю участия монахинь из Горней — по-русски:

— Мир вам!

— И духови Твоему, — отвечает хор.

И вот уже «Блаженства». Начинается Литургия верных. Тут все верные от самого начала. Ибо, когда были возгласы: «Оглашенные, изыдите», никто не ушёл. А вот и «Херувимская». Тихо-тихо в храме. Такое ощущение, что его огромные, ночью пустые пространства, отдыхающие от нашествия паломников и туристов, сейчас заполняются безшютными херувимами, несущими земле весть о спасении. «Всякое ныне житейское отложим попечение».

А время мчится вместе с херувимами. Уже пролетело поминание живых и умерших, уже торопился вспомнить как можно больше имён знакомых архиереев, батюшек, родных, близких и многочисленных крестников и крестниц, просто знакомых, тех, кто просил помянуть их у Гроба Господня. Так и прошу: «Помяни, Господи, всех, кто просил их помянуть. Имена же их Ты, Господи, веши». Душа на мгновение улетала в ночную Россию. Отсюда, из сердца мира, где в эти минуты свершалось главное событие планеты, — пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, кланялся я крестам храмов православных, крестам на могилках, как-то в долю мгновения вспоминались монастыри, монахи и монашки, читающие при восковых медовых свечах неусыпаемую Псалтирь и покрывающие молитвенным омофором российские пределы.

А мы здесь, у Гроба Господня, малое стадо русских овец Христовых, молились за своё многострадальное Отечество. Ко Гробу Христову я шёл всю жизнь. И вот стоял у него и ждал Причастия. Ни ум, ни память это осознание не вмещали. Вся надежда была на душу и сердце. Я в ногах у Спасителя, в одном шаге от Его трехдневного ложа, в трёх шагах от Голгофы. Ведь это же всё, промчавшееся с такой скоростью, всё это будет стократно и благодатно вспоминаться: и то, как молитвенно поёт хор, как размашисто и резко свершает каждение здоровенный диакон, как смиренно и терпеливо стоят около простоволосых женщин наши паломницы в белых платочках, как внезапно и весело

звонят колокольцы на блестящем архиерейском кадиле, как безстрашно старуха в чёрном суёт руку в костёр горящих свечей и выхватывает оттуда догорающую, как бы пропальная пламя. И ставит взамен новую. И вновь хор, и вновь сыплются звуки от колокольников кадила, облетая храм по периметру. Гроб плотно закрыт облачениями священства. Так хочется невидимкой войти в гроб и видеть схождение небесного огня в причастную Чашу. Говорила знакомая монахиня: «Нам дано видеть Благодатный огонь раз в году, а духовные люди его всегда видят. Потому что огонь небесный не уходит от Гроба Господня».

Молодых чтецов сменяют старики. Красоту греческой речи украшает чётко произносимое имя Христа. В этом месте крестимся. Выносят чаши. Обходим вслед за нарядными священниками вокруг Кувуклии. «Символ веры» поёт весь храм. Слышнее всего русские слова, нас здесь большинство. Голоса улетают вдаль, к пещере Обретения Креста, вниз, в потусторонность, в утешение почивших в вере и надежде Воскресения.

Вдруг, как будто пришедший из былинной Руси, выходит и русский диакон. Он ещё огромнее, чем греческий, весь заросший крепкими, ещё не седыми волосами, настоящий раскаявшийся Кудеяр-атаман, и возглашает ектенью. На каждое прошение хор добавляет: — Подай, Господи!

И это незабываемое, нежное и просительное:

— Кирие, елейсон. Кирие, елейсон.

Это означает: «Господи, помилуй». Вообще, благоговеешь перед мастерством древнерусских переводчиков Священного Писания и церковных служб и, в первую очередь, Божественной литургии. И Пасхального канона.

«Отче наш» поётся ещё слаженнее, ещё молитвеннее. Один к одному совпадают русские и греческие слова Господней молитвы. Внутри Кувуклии начинается причащение священников. Простоволосая высокая гречанка сильным, звучным голосом поёт: «Марие, Мати Божия».

Вижу — Чаша стоит на камне в Приделе ангела. Вот её берут и вздымают руки епископа. Выходят. Оба гиганта-диакона по сторонам. Падаем на колени.

— Верую, Господи, и исповедую... Столько раз слышанная причастная молитва звучит здесь совершенно особо. То есть она та же самая, до последней запятой, но звучит она над Гробом Господним, в том месте пространства, которое прошёл Воскресший Спаситель.

И тут случается со мной не иначе как Божие чудо — я оказываюсь прямо перед Чашей. Оглядываюсь, как сделал бы это и в России, ибо всегда мы пропускаем вперёд детей, но детей нет. Меня оттирает было диакон, и что особенно обидно, не греческий, а наш, но я, видимо, так молитвенно, так отчаянно гляжу, что он делает полшага в сторону.

Господи, благослови! Я причащаюсь!

Чашу переносят в Храм Воскресения, огибая по пути так называемый пуп Земли, центр мира, а я, совершенно безотчётно, по-прежнему со скрещёнными руками, обхожу вокруг часовню Гроба Господня, кланяясь всем её четырём сторонам, обращённым на все стороны света.

Утро. Сажу на ступенях во дворе храма. Тут договорились собраться. Думаю: «Вот и свершилось главное в моей жизни Причастие, вот и произошло главное событие моей жизни». Но потом думаю: надо же ещё и умереть и заслужить смерть мирну, христианску, непостыдну, надо же вымолить «добрый ответ на Страшном судищи Христовом».

Встаёт солнце. И, конечно, не один я мысленно произношу: «Слава Тебе, Показавшему нам свет!» Оно бы не пришло на землю, если бы не молитва на земле и если бы не эта ночная служба.

И как же легко дышалось в это утро, как хорошо было на сердце. Оно как будто расширилось, заняло во мне больше места, вытесняя всё плохое.

На обратном пути заговорили вдруг о Гоголе, его паломничестве в Иерусалим, и о том разочаровании, которое он испытал. Видимо, он ждал чего-то большего, чем получил. Но ведь вспоминают же его современники, что он стал мягче, добрее, сдержаннее.

Вспомнил и я свою первую поездку. Очень я страдал после неё. Думал: если я стал ещё хуже, зачем же я тогда был в Святой Земле? И спас старый монах Троице-Сергиевой лавры, сказавший: «Это ощущение умножения греховности, оно очень православно. Святая Земля лечит именно так: она открывает человеку его греховность, которую он раньше не видел, ибо плохо видели его духовные очи сердечные. Святая Земля дарит душе прозрение».

А вот и наш милый Горненский приют. Матушка, жалея сестёр, советует отдохнуть хотя бы полтора часика. Но почти у всех послушания. И уже через два часа колокол Горней позвёт нас на службу, в которой будут те же удивительные, спасительные слова Литургии, что звучали ночью у Гроба Господня, только уже все по-русски. И всё-таки, когда зазвучит: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф», — отголоском откликнется: «Агиос, Агиос, Агиос Кирие Саваоф».

... Поздняя ночь или очень раннее московское утро. Гляжу на огонёк лампы, на Распятие и возникает в памяти слуха мелодия колокольных кадиль у Гроба Господня, и ощущаю, как молитвы, произносимые у него, «яко дым кадильный», восходят к Престолу Господню.

Владимир Николаевич КРУПИН